

*О. В. Сухобоков, Г. А. Вознесенская,
В. В. Приймак*

КЛАД ОРУДИЙ ТРУДА И УКРАШЕНИЙ ИЗ БИТИЦКОГО ГОРОДИЩА

Городище с материалами волынцевской культуры (VII—VIII вв. н. э.) находится в 2 км от с. Битица по дороге в с. Никольское (Сумская обл. и район), занимает один из отрогов высокого, до 35 м, коренного берега р. Псел¹. К западу от него на расстоянии около 80 м на смежном мысу, отделенном от первого широкой балкой с обрывистыми, почти отвесными, склонами, находится роменское городище, выявленное в 1971 г. разведотрядом ИА АН УССР². Оба мыса сильно повреждены производившейся здесь в конце XIX — начале XX в. добычей мергеля, в настоящее время заросли густым чернышем.

Площадка волынцевского городища (Битица I) имеет крутые труднодоступные склоны со стороны поймы, на юге переходящие в отвесный обрыв. Се-

веро-западная часть площадки длинным и узким перешейком соединяется с береговым плато. Длина городища по оси север — юг 500 м, максимальная ширина до 200 м. Поверхность задернована, поросла густым кустарником и лесом, сильно изрезана окопами, блиндажами, воронками, что особенно относится к южным участкам. Здесь окопы в значительной степени повредили древние оборонительные сооружения. На южной оконечности площадки, близ обрыва видны остатки сильно заплывшего раскопа И. И. Ляпушкина, производившего здесь работы в 1953 г. С напольной стороны городище отделено от плато двумя линиями валов и рвов. Ширина рва первой линии до 2—5 м, глубина около 1,5 м; в северной части городища он сливается со рвом второй линии (ширина 7 м, глубина

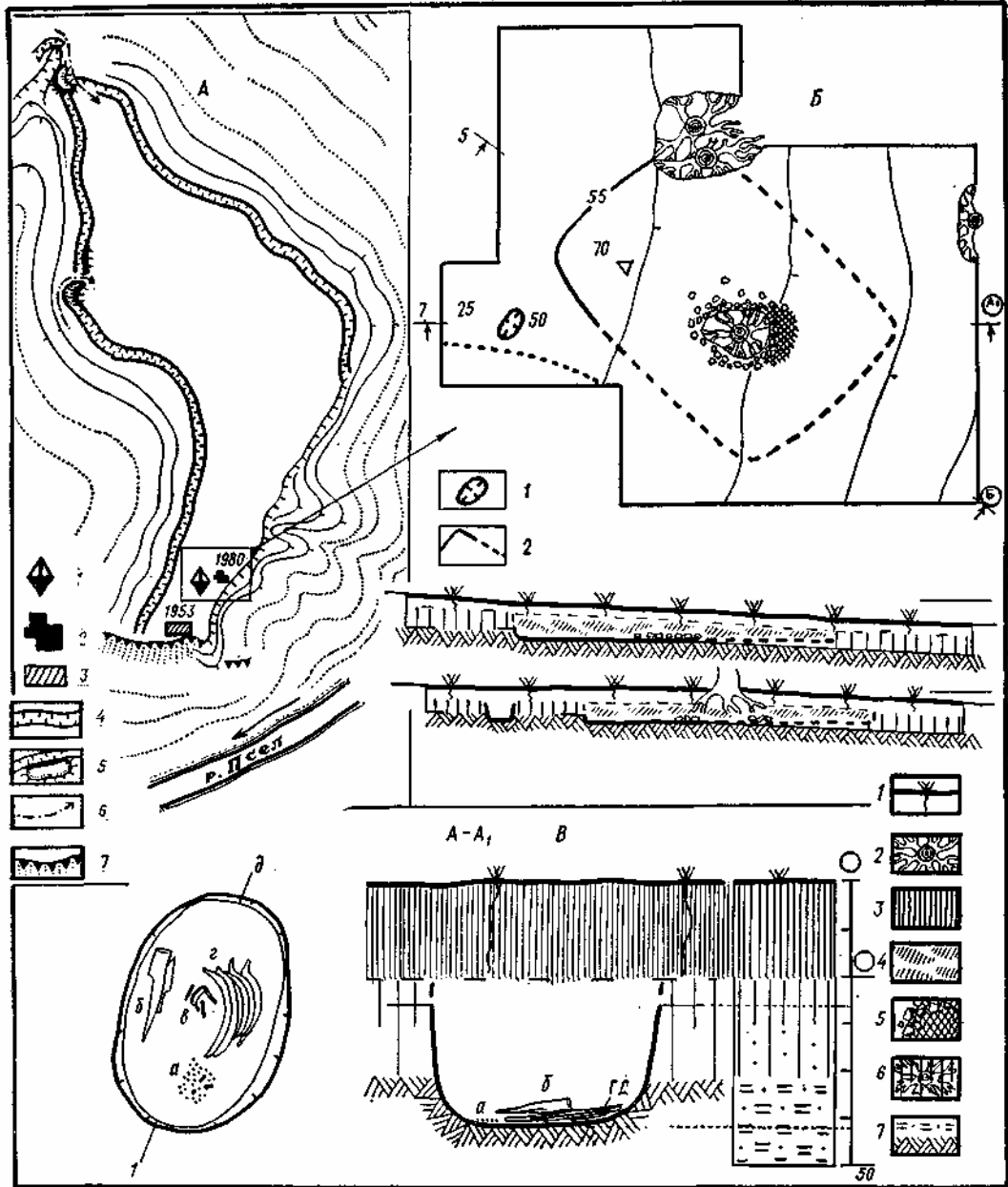

Рис. 1. Битицкое городище:

А — ситуационный план; Б — жилище № 1; В — клад 1984 г.; 1 — клад 1984 г.; 2 — раскоп 1984 г.; 3 — раскоп 1953 г.; 4 — ров; 5 — вал; 6 — въезд на городище; 7 — обрыв

2 м). Вал серповидной формы возвышается на 1,5 м над уровнем площадки (около 5 м от дна рва).

Укрепления вдоль длинных сторон площадки состоят из рва, прокопанного на склонах на 2—3 м ниже горизонтального уровня площадки (ширина

1,5—2 м, глубина 0,5—0,8 м), и эскарпа на ее южном участке, упирающегося в обрыв. Вал имеет лучшую сохранность на западной стороне, где его высота достигает 0,8—1,2 м (рис. 1, А). В 1984 г. разведгруппой Левобережной славяно-русской экспедиции ИА

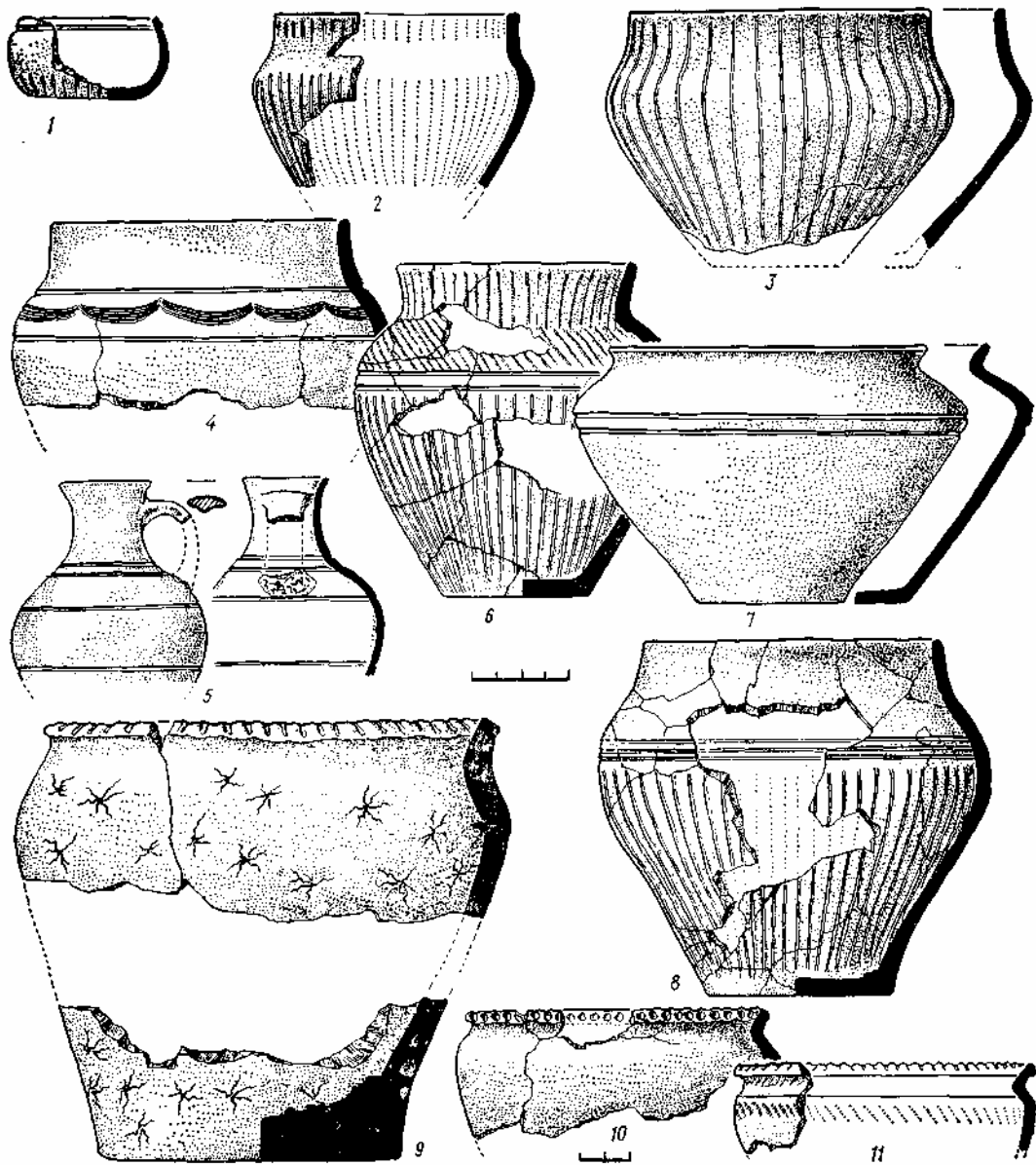

Рис. 2. Основные формы посуды из жилища и раскопа (1—11)

АН УССР в ходе разведочных работ на городище Битица I было расчищено жилище, в непосредственной близости от него обнаружен клад, состоящий из орудий труда и украшений.

Жилище представляет собой прямоугольную, ориентированную углами по сторонам света постройку, пол которой в зависимости от естественного наклона площадки находился на глубине от

0,4 до 0,7 м. Площадь жилища 3,6 X 5,2 м. Расчищены и хорошо фиксируются западный угол и северная стенка, где пол залегал на глубине 0,15 м от древнего горизонта (0,55 м от современной поверхности). Южная стенка и вся юго-западная часть сооружения реконструируются по находкам керамики, что позволило обозначить его контуры. В центральной части жилища

был расчищен очаг, сложенный из небольших сильно обожженных обломков песчаника, его диаметр 1,2 м. Полностью его расчистить не удалось из-за растущего здесь дерева (рис. 1, Б).

В ходе раскопок жилища, главным образом вблизи очага, найдены фрагменты 5 гончарных горшков, миски, кружки, кувшина, а также несколько обломков лепных сосудов и стенок амфор с зональным рифлением поверхности (рис. 2). Среди реставрируемых сосудов характерными являются приземистые горшки темно-серого цвета с вертикально-полосатым лощением поверхности (рис. 1, 2), высокие горшки с тонкими стенками, поверхностью оранжевого цвета, украшенные по плечикам фризом из двух вдавленных линий и вертикально пролощенными линиями от плечиков к дну (рис. 2, 4, 5, 9). Почти полностью восстанавливается гончарная миска с двумя горизонтальными рельефными линиями по плечикам (рис. 2, 6). Частично реставрированы лепные сосуды. Они имеют бугристую поверхность темно-серого или черного цвета с выступающими на ней крупными зернами шамота, слабо отогнутые венчики, украшенные отпечатками палочки (рис. 2, 8, 11) или пальцевыми вдавлениями (рис. 2, 10).

Неподалеку от этой постройки были выявлены остатки другого сооружения с аналогичными находками.

По классификации и типологии керамического комплекса волынцевских памятников, разработанной С. П. Юренко, описанный выше комплекс следует отнести к позднему этапу волынцевской культуры³. Нужно отметить, что в отличие от большинства поселений этого этапа на Битицком городище фиксируется значительно больший процент гончарной керамики, чем указывалось ранее на основании раскопок И. И. Ляпушкина⁴.

Клад, состоящий преимущественно из сельскохозяйственных орудий и ожерелий из бронзовых пронизок и бус, был обнаружен в 1 м к юго-западу от западного угла раскопанного жилища. Клад находился в неглубокой (0,5 м от современной поверхности) овальной в плане ямке, ориентированной по оси

северо-восток — юго-запад, размером 0,45X0,30 м; ее дно было углублено в материк на 0,1 м. Контуры ямки обнаружилась в предметериковом гумусированном подзоле из глубины 0,3 м от поверхности.

У восточной стенки ямы лежали один на другом 8 серпов и 2 косы-горбуши; под западной стенкой — железный топорик, обух большого хозяйственного топора и массивный точильный (сильно сработанный) брусок из мелкозернистого песчаника. В центре ямы между обеими группами находок лежали железный скобель, ложкорез, долото и нож. У южной стенки ямы кучкой лежали украшения, состоящие из разноцветных стеклянных и настовых бус (96 шт.); бронзовых специально скрученных пронизок (26 шт.), 2 бронзовых и одного электрового бубенчиков, а также комка смолистой массы с отпечатками ткани на поверхности. Такие же отпечатки сохранились на некоторых железных предметах, наиболее четко они заметны на плоской поверхности топорика и на одном из серпов. Видимо, каждая из этих групп предметов была завернута в ткань отдельно, на что указывают промежутки свободного пространства между ними (рис. 1, В).

Рассмотрим орудия труда из клада, часть которых исследовалась в лаборатории физико-химических методов НА АН УССР с целью изучения структуры кузнечной продукции. Исследования проведены на основе металлографического анализа для выяснения технологии изготовления орудий труда и бытового назначения. Косы-горбуши представлены 2 экз. (рис. 3, ан. 1819—1820), один из которых является слабоизогнутым орудием с чуть поднятой пяткой, его длина 36,5 см, толщина спинки 0,8 см. Второй экземпляр имеет загнутый вперед рабочий конец, высоко поднятую пятку, его длина 31 см, ширина 3,2 см, толщина спинки 0,8 см. Аналогии эти орудия имеют среди материалов, хронологически близких волынцевским памятникам лесостепной зоны Восточной Европы⁴.

Обе косы были исследованы в лаборатории. Первый экземпляр (ан. 1819)

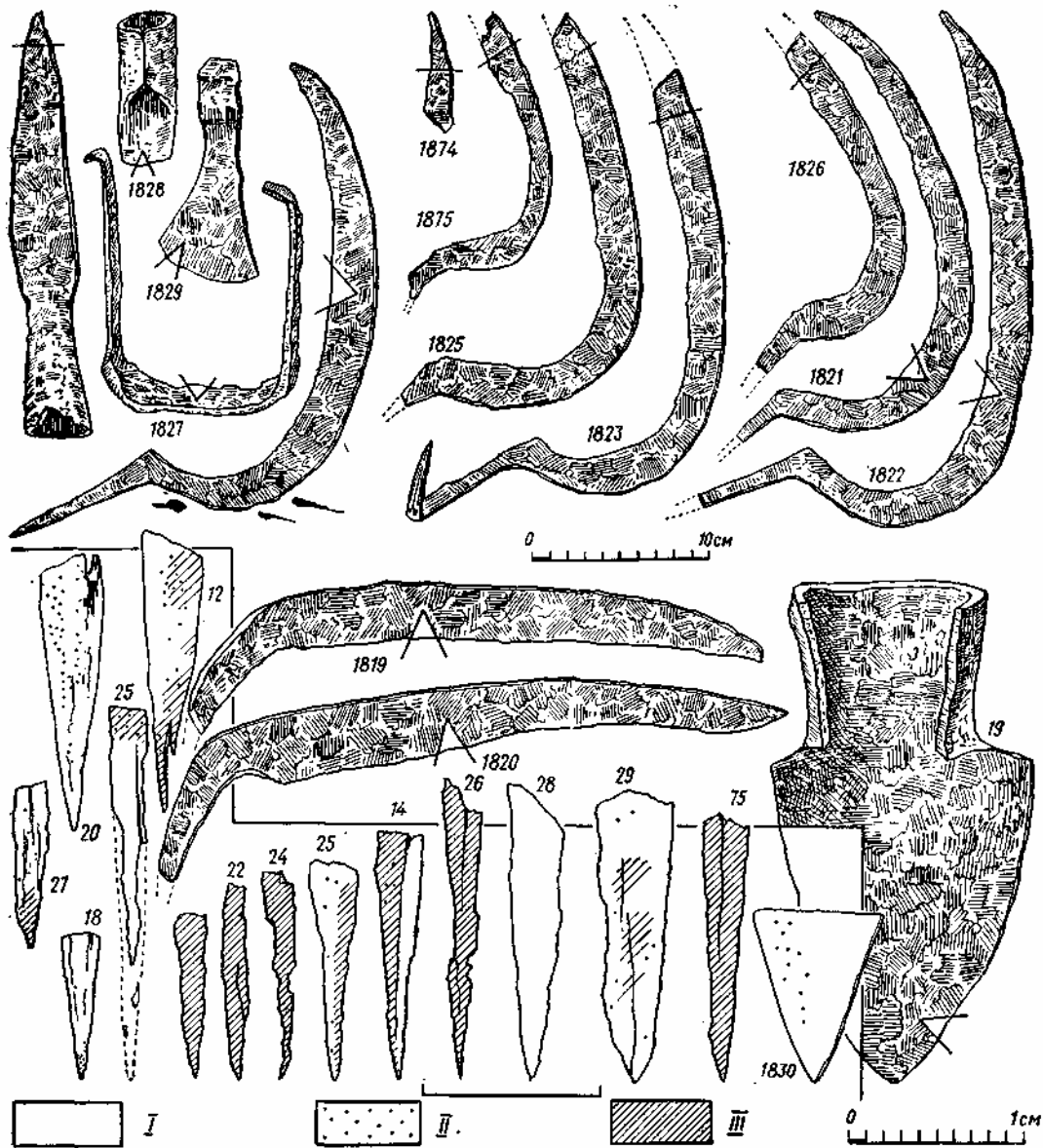

Рис. 3. Технологические схемы орудий труда из состава клада:
 I — железо, II — цементация, III — сталь

был откован из неравномерно науглероженной сырцової стали, клинок закален. Микроскопическое изучение поперечного сечения клинка выявило неоднородную структуру: зоны крупноигльчатого мартенсита; мелкодисперсной феррито-перлитной структуры, феррита со следами перлита. Микротвердость мартенситной структуры составляет 383—420 кг/мм².

Вторая коса (ан. 1820) откована из сырцової стали с неравномерным содержанием и распределением углерода. Микроструктура поперечного сечения клинка феррито-перлитная, максимальное содержание углерода 0,3—0,4%.

Орудия уборки урожая представлены серией из 8 серпов, из них лишь один сохранился полностью, в то вре-

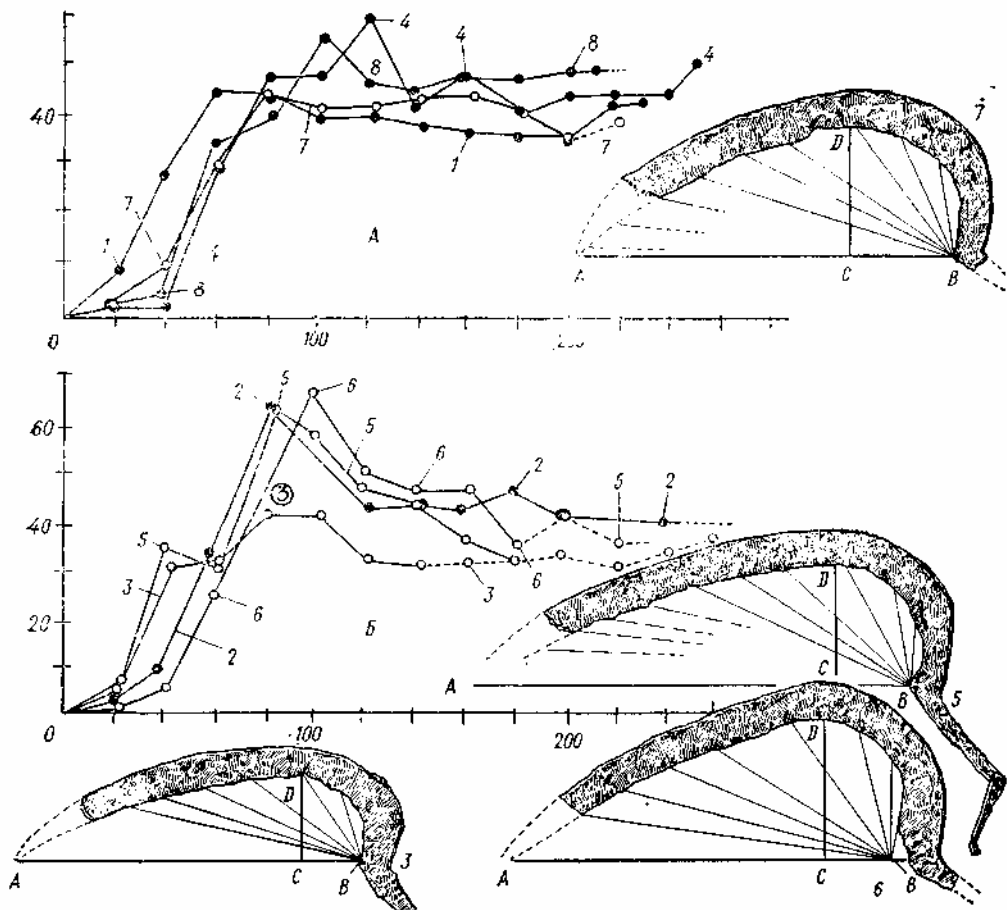

Рис. 4. Графики углов резания серпов (угол В):

А — угол В серпов новгородского и юго-западного типов: 1 — АВ — 23 см; СД — 7 см, ок. 1/3 АВ; АС — 6 см, ок. 1/4 АВ; угол А = 110°; угол В = 43°; 4 — АВ — 25 см; СД — 8,4 см, ок. 1/3 АВ; АС — 8,3 см, ок. 1/3 АВ; угол А = 95°; угол В = 52°; ? — АВ — 22,5 см; СД — 8 см, ок. 1/3 АВ; АС — 6,5 см, ок. 1/3 АВ; угол А = 100°; угол В = 40°; 5 — АВ — 21 см; СД — 8,4 см, ок. 1/2—1/3 АВ; АС — 4,8 см, ок. 1/4 АВ; угол А = 98°; угол В = 50°; Б — углы резания серпов особого типа (по величине АС): 2 — АВ — 25 см; СД — 8,2 см, ок. 1/3 АВ; АС = 4,2 см, ок. 1/6 АВ; угол А = 110°; угол В = 370°; 3 — АВ = 20 см; СД = 5 см, ок. 1/4 АВ; АС = 3,5 см, ок. 1/6 АВ; угол А = 360°; угол В = 32°; 5 — АВ = 25,5 см; СД = 7,2 см, ок. 1/4 АВ; АС = 4,5 см, ок. 1/4 АВ; угол А = 110°; угол В = 35°; 6 — АВ — 23 см; СД = 8,1 см, ок. 1/3 АВ; АС = 3,8—1/6 АВ; угол А = 105°; угол В = 35°

мя как остальные имеют различные повреждения. Серпы с поврежденным черенком (4 экз.) имеют следующие размеры: длина 24—31 см, ширина 2—2,5 см. Длина трех экземпляров не может быть установлена точно (обломан рабочий кончик орудия), их ширина 1,8—2,1 см (рис. 3, ан. 1821—1826, 1874—1875).

Тем не менее все они поддаются анализу по методике, предложенной В. П. Левашевой. Графики углов резания (угол В) позволяют разделить всю серию на две группы, первая из которых представляет серпы новгородского,

а вторая — юго-западного типа. Кривые углов резания у последних ломаные, что особенно характерно для киевского подтипа⁵. Впрочем, в литературе уже отмечалось, что серпы названных типов вовсе не укладываются в определенные В. П. Левашевой территориальные рамки²⁶. Следует также сказать, что 4 серпа по своим параметрам (длине и вершине дуги лезвия) можно выделить в особую группу. Эти серпы отличаются тем, что вершина дуги лезвия у них находится напротив 1/5 или даже 1/6 АВ, а высота изгиба дуги лезвия равна 1/3—1/4 АВ. Ближайшие

аналогии таким серпам имеются в памятниках пеньковского типа (Макаров Остров) и на городище Новотроицком. Кривые углов резания у них неустойчивые и колеблются в пределах 35-60°.

Исследования поперечного сечения восьми клинков серпов при лабораторном анализе показали, что три из них (ан. 1821, 1874, 1875) откованы из слоистого пакетного металла. Два клинка (ан. 1821, 1875) — из пакетированной стальной заготовки, оба закалены на мартенсит, микротвердость их структуры колеблется в пределах 420—464, 572—724 кг/мм². Третий клинок двухслойный, состоит из полосы пакетированной стали и полосы железа. Он закален, микротвердость мартенсита 420—464, феррита — 170 кг/мм².

Пять клинков (ан. 1822—1826) изготовлены по одной технологической схеме: откованы целиком из заготовки сырцової стали с неравномерным содержанием и распределением углерода и закалены на мартенсит. Наиболее однородным является металл в серпах (ан. 1824—1825), где микротвердость мартенситной структуры колеблется в пределах 572—724 кг/мм². В клинке (ан. 1825) большая часть шлифа представлена ферритной структурой, причем науглероживенная сталь расположена на спинке изделия.

В составе клада найден топорик с удлиненным обушком, выраженными щечками и слегка поврежденной рабочей частью. Его длина 12,5 см, ширина лезвия 5 см, ширина втулки 2 см (рис. 3, ан. 1829). По своим параметрам и форме он относится ко второй группе топоров «малых форм», использовавшихся в военных целях в качестве универсального инструмента в походе и в случае боевых действий. Такие топоры похожи на обычные хозяйственные, только меньше по размеру. Наш экземпляр по оттянутому обушку и выступающим щечкам аналогичен таким же в позднеаварских и салтовских памятниках.

Лабораторный анализ показал, что топорик откован из заготовки сырцової стали с неравномерным содержанием и распределением углерода (ан. 1829).

Лезвие его закалено на мартенсит. Макро- и микроструктурный анализ позволил определить, что тело орудия изготовлено путем сгибания полосы заготовки в середине на железной оправке, вследствие чего образовалась проушина и слабо выраженный обух, оттянутый впоследствии, соприкасающиеся половинки затем сварили и ковкой оттянули лезвие для придания ему необходимой формы.

Среди других орудий — изделий кузнечного ремесла — была массивная пешня. В ходе раскопок 1985 г. найдена еще одна пешня. Это втульчатое орудие копьевидной формы с уплощенным заостренным рабочим концом (рис. 3, ан. 1830). По краю втулки проходит выпуклый ободок, указывающий на то, что орудие могло быть использовано и в качестве долота при деревообработке. Размер пешни следующий: длина 28, длина втулки 8 см, диаметр 2 см; ширина рабочего лезвия 3,2 см, толщина 0,8 см. В ходе лабораторных исследований выяснилось, что орудие отковано из мягкой сырцової стали с содержанием углерода около 0,2%. Феррито-перлитная структура имеет выраженные следы перегрева во времяковки (видманштетт).

Орудия обработки почвы представляют наральники, один из которых найден в составе клада. Оба наральника относятся к широколопастным асимметричным. Такого рода пахотные орудия широко распространены в лесостепной зоне Восточной Европы, особенно на славянских памятниках Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья. Близки к ним наральники ранних (VIII — первая половина IX в.) салтовских поселений¹⁰.

Общая длина нашего экземпляра 28 см, длина втулки 9 см, ширина 10,5 см; максимальная ширина рабочей части 15 см, наибольшая толщина лопасти 0,8 см (рис. 3, ан. 1818). Металлографический анализ показал, что орудие отковано из кричного неомогенного железа, плохо прокованного: есть поры, трещинки, шлаковые включения. Рабочий край прокован намного лучше и подвергнут специальному науглероживанию. Максимальное содер-

жание углерода в феррито-перлитном слое 0,7 %.

К орудиям для обработки дерева принадлежат ложкорез и двуручный скобель (рис. 3, ан. 1827). Длина ложкореза 12,5 см, черешка 6,5 см, ширина рабочей части 1,4 см.

Длина рабочей части скобеля 9,5 см, ее ширина 1,3—1,5 см, длина черенков рукоятей 10 см. Орудие (анализ 1827) отковано из заготовок пакетированной сырцово-стали, острие лезвия закалено на мартенсит, микротвердость 514—572 кг/мм².

Кроме описанных выше орудий труда в составе клада был найден железный нож с прямой спинкой и коротким черенком. Его длина 6,5 см, длина сохранившейся рабочей части 1,4 см.

Таким образом, лабораторные исследования показали, что большинство изделий из клада (серпы и топорик) откованы из стали и закалены. Сталь в основном сырцовая, полученная непосредственно в металлургическом горне, отличается большой неравномерностью в содержании и распределении углерода. Из мягкой сырцово-стали без применения термообработки откованы два предмета (коса и пешня), из слабо науглероженного кричного железа втульчатое тесло-мотыжка. Из слоистого пакетного металла, полученного определенным способом обработки полуфабриката, откованы четыре предмета (серпы и скобель). Массивный наральник, изготовленный из грубого критического металла, был подвергнут поверхностной цементации.

Рассмотренные изделия однотипны по характеру сырья и технологии изготовления. Исключение представляет наральник. Плохое качество металла, из которого он откован (загрязненность шлаками, плохая проковка), часто встречается в такого рода массивных предметах.

Среди девяти наральников, происходящих из восточнославянских памятников второй половины I тысячелетия н. э., исследованных металлографически, технологию цементации режущего лезвия имеют только два экземпляра, один из которых найден на Битицком городище (раскопки И. И. Ляпушкина

в 1953 г.), а второй — на городище у с. Жерновец в Курской обл.¹¹ Вместе с тем наральники с цементированным режущим краем известны среди кузнечной продукции из раскопок латенских памятников конца I тысячелетия н. э., а также Черняховских поселений на территории Среднего Поднепровья¹².

Технологические характеристики кузнечной продукции из Битицкого клада вполне соответствует той, которая получена нами в лаборатории ИА АН УССР при анализе серии кузнечных изделий (30 единиц) из раскопок раннеславянского поселения у с. Волынцево Сумской обл. (исследования Д. Т. Березовца и С. П. Юренко)¹³. Интересно отметить, что изделия, откованные из слоистого пакетного металла, найдены исключительно в жилищах раннего этапа волынцевской культуры (середина VII — начало VIII в.).

В технологическом отношении кузнечные изделия данного клада отражают тот уровень кузнечного ремесла, который характерен для восточнославянских племен третьей четверти I тысячелетия н. э.: изготовление орудий труда из наиболее доступного сырья (кричное железо, сырцовая сталь, пакетный металл) приемами свободной кузнечнойковки. Наряду с этим заметна тенденция к увеличению количества термически обработанных изделий, как правило, закаленных. Следовательно, растет объем производимой стали, науглероженной в достаточной степени и способной принимать закалку, что достигается двумя способами: совершенствованием процесса выплавки в горне для получения науглероженного железа и развития процесса дополнительной цементации железного полуфабриката. Эта закономерность получает более четкое выражение при изучении техники и технологии кузнечного производства последней четверти I тысячелетия н. э.¹⁴ Значительная доля изделий, откованных из пакетного металла, как и наличие цементированных предметов,— явление обычное, характерное для восточнославянской кузнечной техники этого времени, которое можно рассматривать как дальнейшее развитие технологиче-

ских традиций прошлого славянским населением лесостепной части Восточной Европы.

Несомненный интерес представляет сравнение технологических характеристик металла волынцевской и салтовской, близких по времени культур, поскольку некоторые элементы их материальной культуры обнаруживают определенные черты сходства¹⁵.

Металлографическое изучение черного металла салтовской культуры позволило прийти к заключению о достаточном единообразии техники кузнечного производства у алано-болгарского населения Днепро-Донского междуречья. Их продукция изготовлялась по нескольким технологическим схемам, при этом наиболее распространеннейший способ отковки цельносталльных или цельножелезных изделий. Вместе с тем используется пакетный металл, встречаются предметы со сварными лезвиями, где основу конструкции составляет сварка железа и стали в одном изделии. В технике кузнечного дела используется процесс цементации заготовок и готовой продукции наряду с тепловой обработкой поковок (закалка)¹⁶.

Таким образом, очевидна близость техники и технологии кузнечного производства племен волынцевской и салтовской культур. Однако конструктивно сложные сварные из железа и стали предметы, отражающие наиболее прогрессивную технологию в раннесредневековом кузнечном ремесле, заметно более распространены в салтовской кузнечной продукции. Среди исследованного в лаборатории волынцевского черного металла такая технология встречена лишь в одном случае: это нож с закаленным трехслойным клинком, найденный в жилище позднего периода (вторая половина VIII в.) на поселении у с. Волынцево. Общее количество металлографически исследованных изделий кузнечного ремесла волынцевских памятников в несколько раз меньше, чем количество аналогичных изделий из материалов раскопок памятников салтовской культуры.

Отмеченное выше сходство кузнечного производства у населения волын-

цевских памятников и салтовской культуры, на наш взгляд, отражает прежде всего аналогичный уровень развития производительных сил, что не исключает также взаимовлияния в области формирования производственных традиций в третьей четверти I тысячелетия н. э. среди населения Лесостепного Левобережного Поднепровья.

Украшения представлены бубенчиками со щелевидной прорезью и песочными ушками, два из них изготовлены из бронзы, один — из электрового сплава. Один из бронзовых бубенчиков покрыт благородной патиной, ниже пояска орнаментирован рельефными вертикальными полосками; его размер 2,5X1,9 см. От второго бронзового бубенчика сохранилась половинка, поверхность покрыта окислом зеленого цвета (яр — медянка?). Судя по сохранившейся части, размер этого экземпляра 2X1 см. Близкие параметры имеет и электровый бубенчик (2X1,5 см), его поверхность гладкая и не имеет украшений (рис. 5, 1—3).

Помимо названных предметов в составе клада найдены два ожерелья. Одно из них состояло из бронзовых спиральных пронизок (26 шт.), изготовленных из плоской или треугольной в сечении бронзовой ленты шириной 1,8—2 мм, а также замыкающей трубочки, орнаментированной по концам трехрядным выпуклым пунктиром из выбитых с внутренней стороны точек (рис. 5, 3—6). Общая длина этого ожерелья 60 см, длина отдельных пронизок 2—6,5 см.

Бубенчики и бронзовые пронизки зачастую входили и в состав комбинированных ожерелий наряду со стеклянными и настowymi бусами. Наш экземпляр состоял исключительно из пронизок, на что может указывать наличие упомянутой замыкающей трубочки. Аналогичные предметы известны на памятниках пеньковского типа (Сурская Забора, Деревка), в кладах VI—VIII вв. на территории Левобережья и Среднего Поднепровья (Хацки, Малый Ржавец), известны они и в катакомбных могильниках салтовской культуры (Старый и Верхний Салтов)¹⁷.

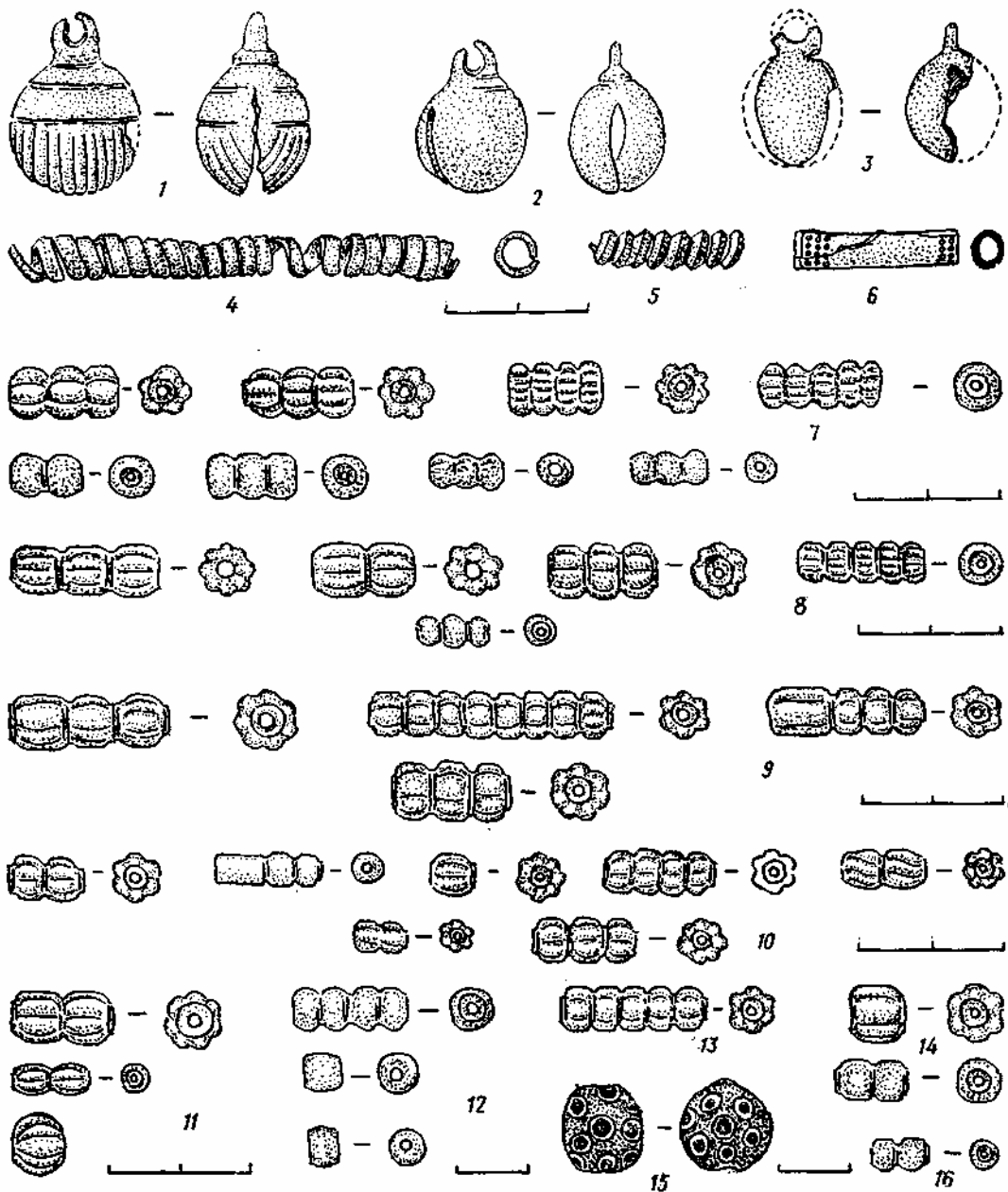

Рис. 5. Украшения (1—3 — бубенчики; 4—6 — пронизки; 7—16 — бусы)

Второе ожерелье состояло из бус, которые являются наиболее многочисленной категорией украшений Битицкого клада (96 шт.).

Бусы данного комплекса разделены нами по классификации В. Б. Деопик (Ковалевской) на четыре группы. В первую включены одноцветные бу-

сы, которые, в свою очередь, делятся на многочастные и одинарные. Многочастные бусы составляют 60 % (57 экз.) и представлены двумя типами: ребристые и гладкие. Большинство экземпляров относятся к первому типу (40 шт.). По цвету стеклянной или настовой массы они черные (2), синие

(13), светло-коричневые (1), зеленовато-голубые (14), желтые (8).

Гладкие бусы по цвету светло-синие (1), зеленовато-голубые (4), желтые (10). Диаметр бусин 0,4—0,7 см, однако преобладают экземпляры диаметром 0,5—0,6 см. В большинстве своем многочастные бусы относятся к разряду дольчатых, причем дольки выражены не всегда достаточно четко, в ряде случаев бусы состоят из 2—5, иногда — из 2—8 частей (рис. 5, 7—9).

Одинарные бусы рассматриваемой группы представлены тремя типами: ребристые, цилиндрические, зонные. Среди них одна крупная (диаметр 0,7 см) светло-синяя ребристая бусина. 11 бусин синего цвета имеют в диаметре 0,5 см, изготовлены из непрозрачного стекла трубочки-заготовки (цилиндрические и зонные) и носят следы неровного разрезания (срез под углом к оси).

Вторую группу, в том числе и по количественному показателю (24 экз.), составляют полосатые бусы. Они также делятся на многочастные и одинарные, в которых по типам различаются ребристые и гладкие экземпляры.

Многочастные ребристые бусы представлены 8 единицами, их цвет светло-коричневый (3) и желтый (5). Многочастные гладкие более многочисленны и разноцветны, чем ребристые: по два экземпляра изготовлены на желтой и зеленоватой основе с синими, голубыми и красными полосками, по одному экземпляру — на светло-коричневой, мутно-зеленоватой и синей основе со слабо выраженными белыми, красными и желтыми тонкими полосками (рис. 5, 10—14). Одинарные бусы этой группы (6 экз.) представлены ребристыми и гладкими изделиями. Из них четыре изготовлены на серой основе, круглые, одна — на желтой основе, относятся к гладким, одним экземпляром представлен тип ребристых бус, изготовленных на светло-коричневой основе с тонкими разноцветными полосками.

Третью группу (глазчатые) представляет единственный экз.: это крупная бусина (1,5 см), изготовленная из черной пасты с сине-белыми выпуклыми, выступающими над ее поверхностью

глазами, до 35 мм в диаметре (рис. 5, 15).

В четвертую группу входят бусы с металлической прокладкой, с диаметром 0,4 и 0,5 мм, прокладка золоченая (рис. 5, 16).

Технология изготовления стеклянных и пастовых бус неоднократно рассматривалась в литературе¹⁸. Подавляющее большинство бус по цвету, форме и технике изготовления близки между собой и составляют своеобразные серии: многочастные синие ребристые и гладкие, многочастные, одинарные желтые и многоцветные, многочастные на серой основе и т. п. Особенности отдельных бусин могут способствовать реконструкции технологии и детализации процесса производства этой категории украшений.

Все бусы Битицкого клада могут быть датированы в широких рамках — VI — IX вв. Однако при детальном рассмотрении каждого типа бус и особенностей их численного соотношения и распространения в памятниках второй половины I тысячелетия н. э. можно установить и более узкие хронологические отрезки их бытования. При этом в качестве опорного комплекса мы будем пользоваться полно опубликованными и датированными материалами Дмитриевского могильника, тем более, что специалистами отмечено большое сходство бус из раскопок славянских поселений Днепровского Левобережья, с одной стороны, и салтовских памятников Подонья¹⁹ с другой.

Так, в Дмитриевском могильнике многочастные ребристые одноцветные бусы (тип 10, по С. А. Плетневой), составляющие около 42 % от общего количества бус, встречены в катакомбах первой группы, относящихся к раннему периоду существования могильника. При этом 26 из 33 экз. их найдены в катакомбе № 38. Многочастные одноцветные гладкие в этой катакомбе найдены в необычно большом количестве (22 шт.), в то время как в других катакомбах (кроме № 49) они единичны. Полосатые многочастные бусы (тип 39) у С. А. Плетневой не расчленены на ребристые и гладкие, поэтому их приходится рассматривать суммарно; в

Дмитриевском могильнике из 17 экз. таких бус 16 приходится также на катакомбы первой группы.

Глазчатая бусина находит аналогии как в памятниках VI—VII вв., так и в более поздних, однако выступающие глазки более характерны для бус, датированных в рамках VI—VII вв.²⁰

Основываясь на корреляции бус с другими датированными находками, С. А. Плетнева датирует катакомбы первой группы со второй половины VIII в.²¹ Это дает основание для датировки этим временем почти 60 % бус Битицкого клада, а также бубенчиков и пронизок, что в свою очередь позволяет определить дату всего комплекса находок. Следует к этому добавить, что аналогичные рассмотренным выше многочастные бусы были найдены в жилище № 9 на Новотроицком городище. Это жилище С. П. Юренко относит к поздневолынцевскому (ранне-роменскому) периоду существования поселения²², то есть к середине VIII в.

Хронология салтовской культуры, определяемая С. А. Плетневой концом VIII — второй половиной IX в. не может приниматься безоговорочно, поскольку ряд исследователей (А. В. Гадло, И. А. Баранов, В. С. Флеров и др.) высказываются в пользу существования ранних комплексов салтовской культуры, датированных ранее середины VIII в.²³ Не противоречат этому и рассмотренные выше материалы как собственно клада, так и раскопок Битицкого городища.

Несколько слов нужно сказать о месте Битицкого клада и городища, на котором он найден, среди памятников предгосударственного времени на территории Днепровского Левобережья. Городище у с. Битица известно давно. Опубликованные И. И. Ляпушкиным результаты его раскопок позволили ему выступить с критикой Д. Т. Березовца по вопросам хронологии и этнической атрибуции тогда еще мало изученных памятников волынцевского типа. Д. Т. Березовец рассматривал их в качестве особой группы раннеславянских древностей, специфика которых заключается прежде всего в характере поселений, погребальной обрядности, нали-

чи гончарной лощеной посуды. Мнение И. И. Ляпушкина было поддержано Е. А. Горюновым, как и точка зрения Д. Т. Березовца имеет своих сторонников. Отметим, что и Е. А. Горюнов склонялся к положению об особом месте волынцевских памятников среди раннеславянских древностей Левобережья, о чем писал и П. Н. Третьяков, в отличие от последнего считавший их несинхронными памятникам роменской культуры²⁴. В. В. Седов рассматривает волынцевские памятники отдельно от роменской культуры, как наиболее раннее проявление культуры северянского племенного объединения. Свообразие первых он усматривает во влиянии культуры иноэтнических племен левобережного Поднепровья, вошедших в состав северянского союза²⁵. Наиболее детально все эти вопросы, связанные с проблемами волынцевских и роменских памятников, освещены в работе С. П. Юренко, где представлены аргументированные доказательства в пользу положений Д. Т. Березовца²⁶.

Так, согласно С. П. Юренко, на позднем этапе волынцевской культуры происходит смена ранее бытовавших открытых поселений поселками на крутых берегах и останцах коренных берегов рек. Некоторые из них имеют элементы искусственных оборонительных сооружений. Таковы, например, ров на Новотроицком городище, остатки двухрядной частокольной стены на пологом отрезке мыса, занимаемого Опошнянским поселением. По топографии названные памятники практически не отличаются от городищ роменской культуры, что без анализа конкретных материалов раскопок создает определенные трудности для выделения поздневолынцевских комплексов. В то же время для них характерно либо полное отсутствие оборонительных сооружений, либо их наличие в качестве отдельных элементов. В отличие от поздневолынцевских роменские городища характеризуются не только расположением па крутых останцах, но и стабильным оборонительным комплексом, выступающим в единстве валов и рвов, дополненных деревянными сте-

нами на валах и эскарпами на склонах.

Битицкое городище занимает особое место среди поздневолянцевских памятников: его укрепления более мощны и охватывают все городище по периметру, что не могло не вызвать интереса исследователей, высказавших различные предположения относительно культурной принадлежности и социального содержания этого памятника. Приведем для примера мнение Д. Т. Березовца, который считал, основываясь на значительном проценте (85) гончарной посуды в составе керамического комплекса и наличии остатков юртообразных построек, что здесь мы имеем дело с «эмбрионом» города, опорным пунктом хазарского господства на славянской территории²⁷.

Думается, что это положение Д. Т. Березовца можно принять с некоторыми коррективами. Так, наличие юртообразных сооружений наряду с типичными славянскими полужемлянками может говорить скорее о смешанном составе населения, чем о проживании на славянском поселении хазарского гарнизона. В ходе раскопок 1985 г. выяснилось, что гончарная посуда составляет не более 55—65 % от всей керамики*, то есть не намного больше, чем, скажем, на Пастырском городище, занимающем аналогичное место среди пеньковских памятников. Материалы раскопок 1985 г. не опубликованы, хранятся в Сумском краеведческом музее. Вместе с тем и на Битицком и на Пастырском имеются свидетельства развитого гончарного и кузнечного ремесла, обнаруживающие общие технологические и технические приемы, связанные со становлением этих ремесел в восточнославянском обществе. Оба городища имеют искусственные укрепления, охватывающие значительную площадь, оба находятся в территориальной близости от гончарных центров (Мачухи и Канцерка), производивших продукцию на рынок. На наш взгляд, эти наблюдения позволяют сместить акцент при выяснении места Битицкого городища в сторону прежде всего экономического содержания этого памятника. В связи с этим интересно от-

метить, что ранние кладьи и отдельные находки восточных монет (первый период обращения — 60—90-е годы VIII в.— 30-е годы IX в.)²⁸ располагаются вдоль торгового пути из Хазарии в скандинавские земли. Это позволяет поставить вопрос о возможном формировании торговых связей на территории Левобережья в более раннее время и во всяком случае не противоречит существованию таких путей в VIII в., что позволяет рассматривать Битицкое городище в качестве одного из опорных пунктов на важном пути из Хазарии в Прибалтику и Скандинавию.

¹ Раскапывалось И. И. Ляпушкиным в 1953 г.

² Кучера М. П., Сухобоков О. В. Звіт про роботу Лівобережного розвідзагону ІА АН УРСР за 1971 р.//НА ІА АН УРСР.— 1971/17 а.—С. 45.

³ Юренко С. П. Волянцевская культура // Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тысячелетии н. э.— Киев, 1985.—С. 123—124.

⁴ Ляпушкин И. И. К вопросу о памятниках волянцевского типа // СА.— 1956.— Т. 29/30.—С. 58—83; Березовец Д. Г. Лівобережжя Дніпра (пам'ятки волинцьовського та роменського типів) // Археологія Української РСР.—К., 1975.—Т. 3.—С. 142.

⁵ Левашова В. П. Сельское хозяйство // Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.//Тр. ГИМ.—1956.—Вып. 32.—С. 65.—Рис. 14; С. 70, 72—73.

⁶ Минасян Р. С. Классификация серпов Восточной Европы железного века и ранне-средневековья // АСГЭ.— 1978.— Вып. 19.—С. 83-84.

⁷ Березовец Д. Т. Поселения уличей на р. Тясмин // МИА.— 1963.— № 108.— Рис. 20; Ляпушкин И. И. Городище Новотроицкое // МИА.—1958.—№ 74.—Табл. LXXXVIII.

⁸ Курпичников А. Н. Древнерусское оружие : Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX—XIII вв.—М. ; Л., 1966.—С. 29.

⁹ Симонова Е. Н. Результаты исследования позднеаварского могильника в Фейсерлак // СА.— 1978.— № 2.—Рис. 1, 29; Плетнева С. А. От кочевий к городам // МИА.—1967.— № 142.—Рис. 43, 25; Михеев В. К. До питання про ремісничі виробництво салтівської культури // Вісник ХДУ.— Серія історична.— 1966.— № 17.—Рис. 2, 7—8.

¹⁰ Довженко Н. Й. Землеробство Древньої Русі.—К., 1961.—Рис. 7, 9—11; Ляпушкин И. И. Городище Новотроицкое.—Табл. LXXXVII; Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв.—М., 1982.—Табл. LXII; Плетнева С. А. Указ, соч.—С. 146—147.—

Рис. 38, 8—9; *Михеев В. К.* Подонье в составе Хазарского каганата.— Харьков, 1985.— Рис. 22—23.

¹¹ *Узянов А. А.* Городище и селище X в. на р. Тускарь//АО 1979 г.—М., 1980.—С. 83.

¹² *Биоцзя В. И., Вознесенская Г. А., Неодипак Д. П., Паньков С. В.* История черной металлургии и металлообработки на территории УССР (III в. до н. э.—III в. п. э.).— Киев, 1983.—С. 80—81; *Барцева Т. Б., Вознесенская Г. А., Черных Е. Н.* Металл черняховской культуры // МИА.— 1972.— № 187.— С. 43.

¹³ Материалы металлографического исследования находятся в печати.

¹⁴ *Гонак В. Д.* Техника кузнечного ремесла у восточных славян во второй половине I тыс. н. э. (Днеоро-Днестровское междуречье) // СА.— 1976.— № 2.— С. 53—55; *Вознесенская Г. А.* Техника кузнечного производства у восточных славян в VIII—X вв.// СА.— 1979.— № 2.— С. 70—76.

¹⁵ *Сухобокое О. В.* К вопросу о памятниках волинцевского типа // Археология.— 1977.— Вып. 21.—С. 50—67; *Его же.* Славяне Днепровского Левобережья.— Киев, 1975.— С. 147—148.

¹⁶ *Михеев В. К., Степанська Р. Б., Фомин Л. Д.* Зброя салтівської культури та її виробництво // Питання історії народів СРСР.— 1967.— Вып. 4; *Гонак В. Д., Сухобокое О. В.* Про салтівське залізообробне ремесло (за матеріалами розкопок Д. Т. Березовця) // Археология.— 1978.— Вып. 25.— С. 60—70; *Толмачева М. М.* Кузнечное производство салтовцев по материалам Маяцкого комплекса // Тез. докл. совещ. «Комплексные методы в изучении истории с древнейших времен до наших дней».— М., 1984.

¹⁷ *Плетнева С. А.* Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья.— М., 1981.—Рис. 37, 18; *Б. А. Шрамко.* Древности Северского Донца.— Харьков, 1962.— Рис. 110, 18; С. 285.—Рис. 110, 11; *Бобринский А. А.* Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы.— Спб., 1901.—Т. 3.—С. 147—148; *Рыбаков Б. А.* Древние Русы // СА.— 1953.— Т. 17; *Телегин Д. Я.* Из работ Днепродзержинской

экспедиции 1960 г. //КСИА АН УССР.— 1962.—Вып. 12.—С. 16—17.

¹⁸ Классификация бус по методике В. Б. Деоник была успешно применена *Плетневой С. А.* (Указ. соч.//МИА.—№ 142). Технологія производства бус см.: *Школьникова Н. А.* Стекланные украшения конца I тыс. н. э. на территории Поднепровья // СА.—1978.—№ 1.—С. 100; *Львова З. А.* Технологическая классификация изделий из стекла (по материалам раннесредневековых стекланных украшений) // АСГЭ.— 1979.— Вып. 20; *Щапова Ю. Л.* Стекло Киевской Руси.—М., 1972.—С. 216.

¹⁹ *Школьникова Н. А.* Указ. соч.—С. 101.

²⁰ *Деоник В. Б.* Классификация бус Юго-Восточной Европы VI—IX вв. // СА.— 1961.— № 3.—С. 221—222; *Плетнева С. А.* От кочевий к городам.— Табл. 3.—С. 142.

²¹ *Плетнева С. А.* Указ, соч.—С. 137—140.

²² *Юренко С. П.* Домобудівництво населення Дніпровського Лівобережжя в VIII—X ст. // Археология.— 1984.— Вып. 45.—С. 36.— Рис. 2.

²³ *Баранов И. А.* Ранние болгары в Крыму (Локальный вариант салтово-маяцкой культуры) : Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— Киев, 1977.—С. 4—6; *Флеров В. С.* Лошная керамика салтово-маяцкой культуры как источниковедческий источник : Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— М., 1981.—С. 10.

²⁴ Разбор мнений различных авторов по этому вопросу см.: *Юренко С. П.* Волинцевская культура.—С. 124.

²⁵ *Седов В. В.* Указ, соч.—С. 138.

²⁶ *Юренко С. П.* Днепровское лесостепное Левобережье в VII—VIII вв. н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— Киев, 1983.— С. 15—18.

²⁷ *Березовець Д. Т.* Слов'яни й племена салтівської культури // Археология.— 1965.— Вып. 19.—С. 55—56.

²⁸ *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период.—М., 1956.—С. 81—82; Ср.: *Кропоткин В. В.* Новые материалы по истории денежного обращения в Восточной Европе в конце VIII — первой половине IX в.//Славяне и Русь.—М., 1968.—С. 72—79.